

ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА

Искусство актера — жестокое искусство. Когда умирает писатель, от него остаются книги. От композитора — ноты. От художника — полотна. И после физической смерти они долго еще живы, они остаются нашими собеседниками, делаются с нами своими мыслями и чувствами. Только масштаб таланта, его идейная направленность определяют продолжительность духовной близости умершего мастера с читателем, слушателем, зрителем.

А что остается после смерти талантливого артиста? Старые афиши, фотографии, программки, рецензии в пожелтевших газетах? Но ведь они не могут полно передать чувства, волновавшие нас, когда мы видели на сцене большого художника. И хочется закрепить эти чувства на бумаге, пока еще они свежи в памяти.

Несколько месяцев назад умер народный артист республики Серафим Павлович Ассуиров — человек яркого таланта, много сделавший для развития театрального искусства Казахстана. Эти заметки — не творческий портрет художника, это только отдельные черты к портрету. Это скромная дань памяти человеку, приносившему своим искусством радость десяткам тысяч людей.

ОН ЖИЛ в старом доме — огромном и неуклюжем — совсем у входа, в начале длинного, широкого и грязного коридора, где вечно шумели примусы. Когда-то дом целиком занимали работники искусств. Город строился, артисты и художники переезжали в новые, по-современному благоустроенные квартиры. А Ассуиров оставался — отчасти по привычке, отчасти из равнодушия к комфорту.

В квартире у него было две комнаты. В одной он жил сам, вторая временами пустовала, а временами там поселялся кто-нибудь из молодых артистов. Серафим Павлович всегда бывал рад этому: хотя он и привык к одиночеству, тяготить его оно никогда не переставало.

Может быть, поэтому и гостям он всегда радовался. А может, это просто была присущая душе художника жадность до людей. Как бы то ни было, в тесной его комнатке чуть не каждый вечер допоздна толпились артисты, писатели, журналисты, художники и люди разных других, порой вовсе неожиданных профессий.

Новых людей он встречал с удовольствием и искал в них прежде всего хорошее (не помню случая, чтобы

он позволил себе в глаза или за глаза посмеяться над малознакомым человеком). Но, при широчайшей своей доброте, на фальшь был очень чуток и раздутое самонадеянность, хвастливость, несоответствие претензии различал быстро. С такими людьми ему было скучно, и сам он с ними не общался.

Когда я познакомился с Серафимом Павловичем, ему лишь недавно стукнуло полвека, но выглядел он куда старше. И походка была старческой, неровной и трудной и интонации голоса старческими.

В год он не чаще двух-трех раз пересекал Коммунистический проспект по пути к центру города.

Маршрут у Серафима Павловича всегда был один: театр — квартира — театр. Слово здание родного театра с гипнотической силой притягивало его, и лишь когда пустели и зрительный, и репетиционный залы, когда исчезало магнитное поле искусства, это здание теряло свою власть над старым артистом.

Гипноз этот был целебен для него: на сцене и походка у Серафима Павловича становилась молодой и упругой, и голос обретал бархатистую глубину. И как бы ни уставал он после спектакля, но выглядел в это время лучше, чем обычно, — бодрость, пришедшая к нему на сцене, долго еще не оставляла его.

Я не застал расцвета артиста Ассуирова, видел его на сцене уже перед заходом его солнца. Но и по тем ролям, в которых мне посчастливилось его видеть, могу судить: это был большой мастер, подлинный художник. Играть плохо он, кажется, просто не мог. А часто поднимался до высот, удивлявшей и радовавшей зрителей.

Помню его в «Зарницах», последней своей пьесе, которую еще успел увидеть на сцене Мухтар Омарханович Ауэзов. Ассуиров играл Волост-

ного — играл в очередь с таким отличным актером, мастером острой характеристики, как Ю. Б. Померанцев. Первым я увидел Померанцева, Его Волостной напоминал беркута — резкий, злобещий профиль, неподвижный, пронизывающий взгляд, резкие сначала, но вдруг замедляющиеся движения рук, словно взмахи крыльев. Это был один из самых запоминающихся образов спектакля. Рисунок роли был таким убеждающим, что соревноваться с ним представлялось невозможным.

И действительно, когда выходил на сцену Ассуиров, сравнение было поначалу не в его пользу. Невысокий, полный человек с подчеркнутыми достоверными жестами, с «бытовым» хитрым смешком. Правда, самый доподлинный казахский бай — в этом сомневаться не приходилось. Но ведь там обобщение, убедительная гипербла, а здесь лишь точный этнографический фотоснимок.

Но чем дальше шло действие, тем явственнее проступало за бытом бытие, тем масштабнее становился образ, создаваемый актером. Он шел своим путем — от правды бытовой к правде исторической. Все явственнее мы видели в этом Волостном сконцентрированное зло, ставшее на пути борцов за новую жизнь, — врожденное презрение к человеку, к мыслям его и стремлениям («все будет, как я скажу»), темное, из глубины веков идущее звериное лукавство, слепая вера в то, что существующий уклад жизни — единственный, имеющий право на существование и лучший для всех времен.

Еще раз я видел актерскую «дуэль» Ю. Б. Померанцева и С. П. Ассуирова — на этот раз в различных ролях. Ставили «Время любить» — легковесный водевиль, дававший, однако же, возможность двум актерам показать свое мастерство. К старым друзьям должен прийти их давний одноклассник Харитонов, ныне ставший большим начальством. Друзья сомневаются — не зазнался ли их старый товарищ, не стал ли он бюрократом. Один из приятелей — его то и играл Ю. Померанцев — шутили, но в то же время и с некоторой опаской показывал, каким, может

быть, стал Харитонов. Это был фейерверк блестящих находок, острых жестов, характерных интонаций — талантливая карикатура на бюрократа.

А потом появлялся сам Харитонов — его роль исполнял Серафим Павлович. И с первых же слов его всем становилось понятно — он действительно превратился в задубелого бюрократа. Он превосходил, перекрывал любую карикатуру — привычно-барственный голос, внезапное «а!» — вопросительное и угрожающее одновременно, снисходительная рассеянность, с которой начальство путало своих бывших друзей.

Но вот что удивляло: казалось бы, такая карикатура должна быть злой, даже мрачной. А зрительское впечатление было иным: веселым, праздничным. В игре артиста все время присутствовал какой-то намек: не принимайте этого всерьез. Намек становился ясным, когда Харитонов снимал маску, — оказывается, это был лишь розыгрыш, оказывается, Харитонов лишь посмеялся над сомнениями своих старых товарищей. В этот момент в зале всегда раздавались аплодисменты и Харитонов — Ассуиров улыбался широко и лукаво — это была улыбка торжества над чванством и пошлостью, которые никогда не смогут овладеть настоящим человеком.

Ассуиров очень гордился тем, что первым в нашей республике воплотил на сцене образ великого Ленина. Вообще-то он не любил вспоминать страницы своей актерской биографии — не потому, чтобы что-то в ней ему не нравилось, а просто сегодняшний день его интересовал куда больше, чем вчерашний. Но к этому воспоминанию он возвращался не раз и с величайшей серьезностью.

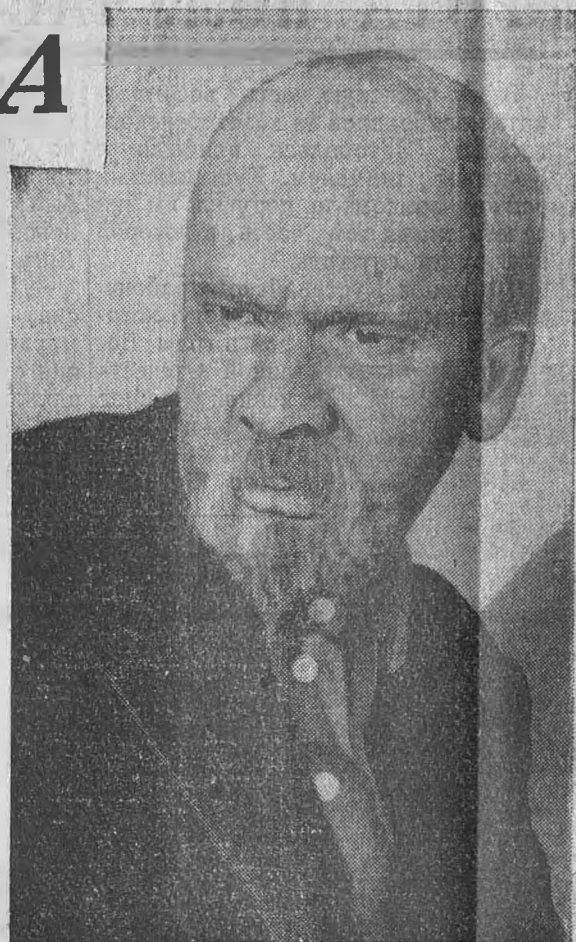
В роли Ленина я видел его только в «Третьей, патетической». Это была большая, вдохновенная работа. Тогда появилась тенденция изображать Ленина несколько заземленно, показывать больше «человека», чем государственного деятеля — понятная, хотя и неоправданная реакция на парадную манеру изображения вождей революции в годы культа личности. Серафим Павлович этой тенденции не принял. Он ясно понимал, что «человеческое» и «историческое» в Ленине

разделить невозможно. Его Ленин каждую минуту был и земным человеком, жадным до жизни, до людей, и великим мыслителем, и практиком, проникающим в самые сложные глубины действительности. И вершиной его роли был разговор с Марией Ильиничной в саду в Горках — философский разговор о доброте, об ответственности народного руководителя.

Театр был для Серафима Павловича, без преувеличения, всем. И уход его из театра, как ни трудно, физически трудно стало Ассуирову играть — оказался ошибкой. Здоровье на какое-то время поправилось, но жить стало нечем. Он сразу как-то потускнел, выцвел. Сгоречью говорил: «Теперь я заведующий пустяками».

На похороны Ассуирова пришло много людей. Каждый из них ценил его и дорожил им. Но дело даже не в памяти. Театр жив, работает, ставит такие отличные спектакли, как «Совесть». В этот театр Серафим Павлович вложил свою душу, без него театр был бы другим. Пройдут годы, забудутся постепенно ассуировские роли, а душа будет жить в театральных праздниках и буднях, жить в интонациях и жестах новых поколений актеров, в вечном стремлении к правде и мастерству. Она будет жить действительно и незаметно, даже тогда, когда уже все забудут об этом.

П. КОСЕНКО.

С. Ассуиров — Костылев («На дне»).